

ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ КАРТЫ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Диалектная карта карельского языка – результат длительного развития на протяжении II тыс. н. э. И само формирование этнических и языковых территорий, и последующее изменение очертаний языковой карты продиктовано как природными (ландшафт, климат, характер почв и др.), так и культурными (экономика, местные и транзитные водно-волоковые пути, контакты с соседними этносами и т. д.) причинами.

Каждое из трех наречий, традиционно выделяемых в карельском языке, – собственно карельское, ливвиковское и людиковское – характеризуется своим ареалом, формирование которого рассмотрено в статье на топонимическом материале как исключительно устойчивом во времени и привязанном к территории даже более прочными узами, чем сугубо лингвистические данные.

Археологические свидетельства надежно подтверждают формирование карельского этноса на рубеже I–II тыс. н. э. в Северо-Западном Приладожье (Кочкуркина, 2012), его природно-климатические и ландшафтно-географические особенности предопределили образование этой «колыбели» (по Д. В. Бубриху) карельского этноса. Среди последних – система водно-волоковых путей, обеспечивавших выход в Приботную и на Финский залив. Отроги загораживающей с севера прибрежную территорию гряды под названием *Maanselkä* ‘водораздел’, в свою очередь, защищали ее от холодных воздушных масс, обеспечивая относительную мягкость климата.

Исключительную роль в формировании карельского этноса сыграла т. н. ладожская регрессия, связанная с подъемом суши и соответственно понижением уровня воды у северного побережья озера. Отступившая вода освободила плодородные ложбины – характерный элемент ландшафта Карельского Приладожья, которые были превращены в сельскохозяйственные угодья. Здесь, на берегах заливов с плодородной почвой, формируется в первые века I тыс. н. э. устойчивая во времени система поселений.

Показательно, что ключевые места старинной карты поселений, сформировавшейся еще на древнекарельском этапе освоения территории, маркированные крепостями, оставались неизменными на протяжении многих столетий, несмотря на перипетии истории. Деревни, зафиксированные в Писцовой книге Водской пятины 1500 г. – наиболее полным и раннем письменном источнике, описывающем территорию Карельского Приладожья, повторены на шведской карте XVI в. и благополучно дожили до середины XX в. При этом в источнике 1500 г. большинство поселений являются разросшимися многодворными образованиями, что свидетельствует об их появлении в более раннее время.

Наименования этих поселений, сохранившиеся на протяжении столетий, являются своего рода метками, маркерами карельского культурного ландшафта той отдаленной эпохи. Они сохраняют память об основателях и первопоселенцах. Традиционные карельские имена и прозвища лежат и в основе многих десятков известных топонимов Карельского Приладожья, в том числе *Сортавала, Терву, Хийтола, Мийнала, Харлу, Вяртсиля, Рюттю, Ляскеля* и др. Их по праву следует считать памятниками нематериального культурного наследия Карельского Приладожья: созданные в прошлом, они передаются из поколения в поколение и являются знаковыми, брендовыми для территории.

Картографирование мест расположения традиционных поселений позволяет наглядно представить место и роль старинных крепостей или укрепленных городищ, встроенных в традиционную систему расселения и являвшихся обязательным элементом культурного ландшафта Карельского Приладожья. Типичный пример такого исторического культурного ландшафта — целая россыпь небольших деревень на обоих берегах залива Токкарлахти в районе г. Сортавала, упоминающихся уже в источнике 1500 г. в качестве разросшихся поселений: *Ихаксала*, *Телкюнниеми*, *Онттола*, *Ригала* и др. Городище с укреплением *Линнасаари* ‘Крепостной остров’ располагалось на небольшом высоком острове, запиравшем вход в залив. Крепость защищала крестьянские поселения от набегов иноземных врагов и разбойников. Топонимия позволяет реконструировать еще один оборонный объект — это расположенная на берегу залива в непосредственной близости от крепостного острова Линнасаари гора с названием *Тукианмяки*, букв. ‘Гора поддержки’; на ней, видимо, находился отряд защитников, который в случае необходимости, например, прорыва вражеских судов в залив, вступал в бой. Обоим топонимам — Линнасаари и Тукианмяки не менее 700–800 лет, и они являются своего рода метками, маркерами карельского культурного ландшафта той отдаленной эпохи и позволяют реконструировать историко-культурную ситуацию, привязать ее к конкретному месту.

С точки зрения обусловленности этнических границ Средневековья ландшафтно-географическими факторами показательна восточная граница древнекарельской территории, совпадающая с границей шхерного ландшафта и свидетельствующая о приоритетах древнекарельского населения в хозяйственном освоении территории. Северо-Восточное Приладожье с обширными болотами, отсутствием плодородных речных долин и заливов (ср. название ладожского побережья *Pitkäranta* ‘Долгий берег’) оставалось долгое время не освоенным карелами.

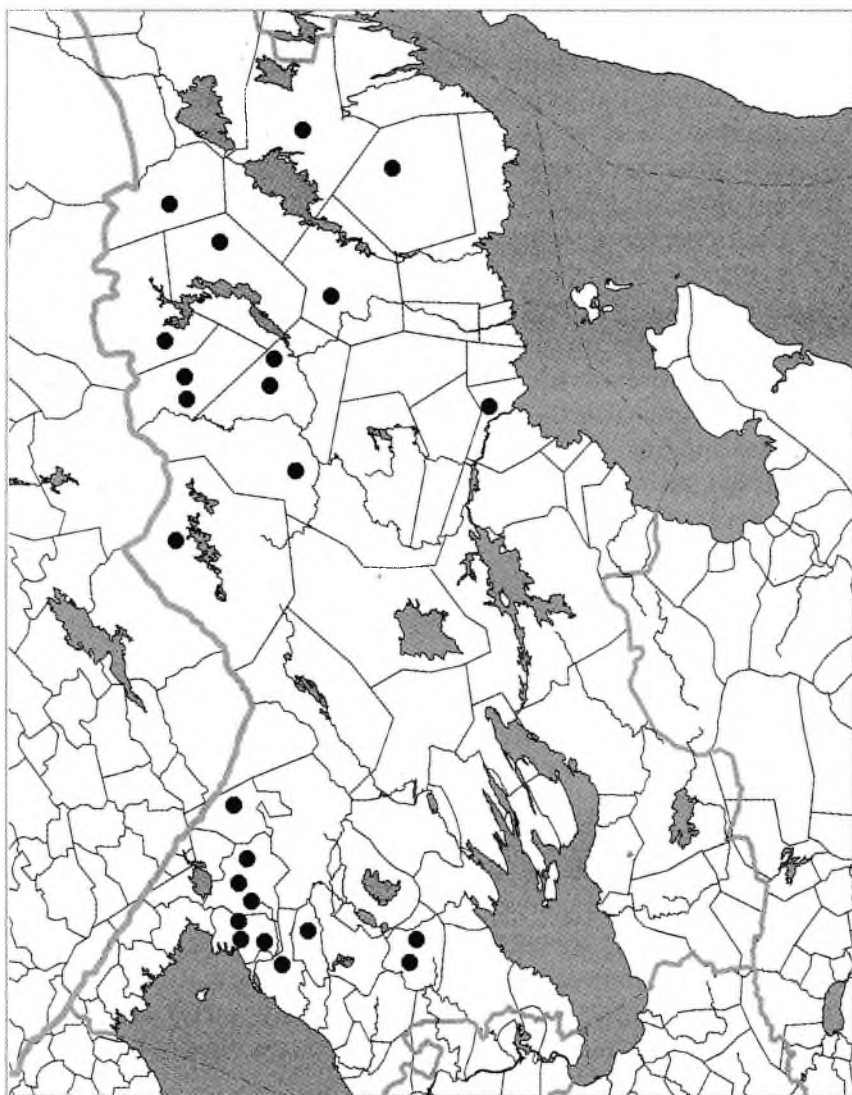

Рис. 1. Ареал топонимов с саволакской основой *Polvi-*

Освоение этой пустынной территории начинается, видимо, только в XV–XVI вв. Именно с ним связано появление здесь, за пределами собственного Северного Приладожья, некоторых топонимных моделей с некарельскими истоками. В качестве примера предлагается топонимическая карта, которая отражает бытование в Карелии метафорических названий озер с основой *polvi* ‘колено’, т. е. *Polvijärvi* ‘озеро с коленом’ и *Polvilampi* ‘ламба с коленом’ (рис. 1).

Название связано с формой озер, изогнутых, как нога в колене. Эта модель озерных названий не является карельской. Центр ареала располагается в Восточной Финляндии, в области Саво (*Kiviniemi, 1977*), и распространение модели на восток, в Приладожье, связано, очевидно, с притоком сюда саволакского населения после Столбовского мирного договора начала XVII в., когда эта территория вошла в состав Швеции. Показательно, что саволакская модель отсутствует на традиционной карельской территории в Северном Приладожье, хорошо освоенном топонимически карелами уже до прихода саволаков (в том смысле, что озера и даже менее значимые ламбы были уже названы, и вновь прибывшее население воспользовалось готовыми топонимами). Совсем другая ситуация была в Северо-Восточном Приладожье. Формирование здесь целой сети «коленных» гидронимов говорит как раз о том, что еще к началу XVII в. этот угол не был, в отличие от более западного участка Приладожья, в должной степени освоен. Осевшие здесь саволаксы помечают вновь освоенные территории своими топонимическими метками. Видимо, к этому же времени относится и появление их в Беломорской Карелии, отраженное на топонимической карте рядом примеров.

Современная диалектная карта карельского языка (рис. 2) охватывает значительно более обширную территорию, чем та, которая реконструируется в Приладожье в начале II тыс. н. э. Она формировалась в ходе неоднократных волн переселения карелов из Приладожья, вначале как промысловое освоение, а затем

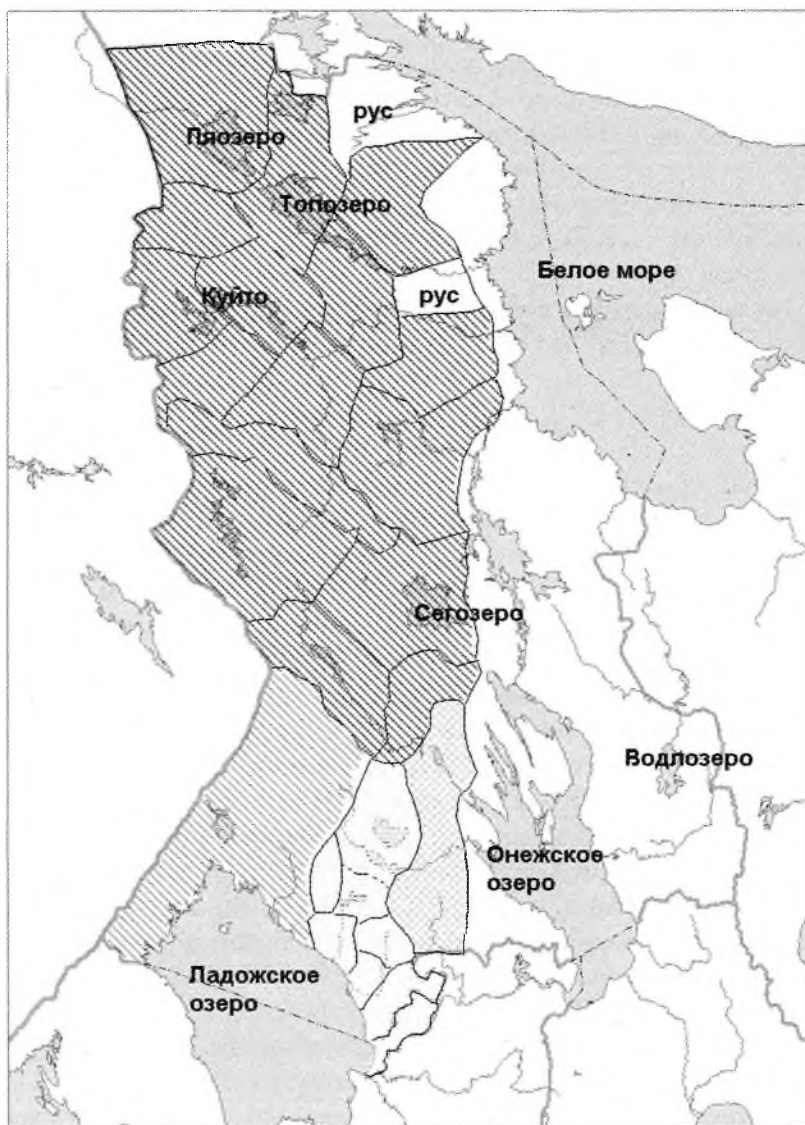

Рис. 2. Диалектная карта карельского языка

оседлое заселение в XIII–XVIII вв. Целый ряд топонимических карт с дифференцирующими карельскими моделями демонстрирует, как, по каким путям и в каких природных и административных границах происходил этот процесс.

На первых этапах карельская этническая территория в соответствии с экономическими и торговыми интересами населения прирастала в западном направлении, и карельский языковой элемент послужил в дальнейшем основой для формирования восточных говоров финского языка. Интерес к восточным территориям носил первоначально в основном промысловый характер, однако в дальнейшем, в связи с русско-шведским противостоянием, происходит оседлое освоение современной Карелии.

Из трех наречий карельского языка собственно карельское наречие, являющееся прямым продолжением того древнекарельского языка, который сформировался в Северном Приладожье, представлено на территории центральной и северной Карелии, два других – ливвиковское (или олонекское) и людиковское – в южной Карелии, на Онежско-Ладожском водоразделе. Разделяющая их граница тянется от северо-восточного угла Ладожского озера через среднее течение Шуи к низовьям Суны, четко накладываясь на ту границу, которая реконструируется по свидетельствам топонимии как северная граница исторической вепсской территории.

Здесь вновь подтверждается важное для понимания формирования этнических территорий обстоятельство, что исходным фактором в формировании культурных границ являются климатические и ландшафтно-географические составляющие. Северная граница вепсской топонимии повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны. При этом важно, что природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно (Муллонен,

2012). Границы земледельческого вепсского продвижения на север были обусловлены именно этим обстоятельством.

Вепсская предыстория объясняет генезис двух южных наречий карельского языка: столкновение, наложение двух языковых составляющих — вепсской и карельской, или — иначе — переход на карельский носителей вепсского языка с одновременным сохранением целого ряда вепсских языковых особенностей на всех языковых уровнях. Это наглядно демонстрируют многочисленные карты «Диалектологического атласа карельского языка» (ДАКЯ) и «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» (ALFU), а также карты ареалов топонимных моделей, на которых ливвиковско-людиковская территория в языковом плане объединяется, с одной стороны, с вепсской, с другой — с собственно карельской.

По-видимому, ситуацию вепско-карельского взаимодействия в ливвиковско-людиковском ареале отражает и история этнонима *людики*. Считается, что этноним **lyydi* (людик. *lyydikoi*, вепс. *lydilain'e*) имеет русские истоки и восходит к др.-рус. *люди*, *людин* 'свободный человек' (SSA). При этом такие же истоки имеет и название другой группы карелов — ливвики (карел.-олон. *livvi*, *livvikäi*), населяющей западную часть Онежско-Ладожского водораздела. В результате действия собственных олонецкому диалекту карельского языка фонетических особенностей основа *lyydi* перешла в *livvi* (Gränthal, 1997, s. 75–78). Кроме этого, людиками называют себя и часть вепсского населения — т. н. северные (прионежские) вепсы, и часть представителей средневепсского диалекта. Территориально этноним *людики* тяготеет к Свири, точнее к ее северным и южным притокам. При этом в более отдаленных от Свири местностях, как на юге, так и на севере, бытует этноним *vepsä* 'вепсы'. На юге он привязан к живому вепсскому населению. На севере же вепсами называют своих южных соседей людиков сегозерские карелы. Он закрепился также в целом ряде

топонимов на людиковско-собственно карельской границе (*Vepsäjärvi, Vepsänmoa, Vepsänpolvi, Vepsiguba* или *Vepsilahti*).

Такая ареальная дистрибуция имеет, по-видимому, историческую подоплеку. Можно полагать, что этноним *lyydi* распространился по Свири вместе с новгородским освоением и называл местных вепсов, которые в то время (первые века II тыс. н. э.) были основным населением как южного, так и северного Присвирья. Самоназвание *вепсы* сохранилось только в отдаленных от Свирского побережья местностях, как на севере, так и на юге (Муллонен, 2003, с. 345–346). Иначе говоря, русское освоение разделило единый ареал, в то время вепсский, на север и юг.

В дальнейшем в ходе продвижения карельского населения из Северо-Западного Приладожья в северное Присвирье происходила постепенная карелизация, и этноним начинает со временем обозначать здесь карелизованных вепсов – ливвиков и людиков. В своем изначальном значении, т. е. в качестве названия вепсского населения, он продолжает функционировать у северных вепсов в Прионежье и на северной окраине средне-вепсского ареала, в южном Присвирье. Предложенная интерпретация этнонимической карты не противоречит языковым свидетельствам, согласно которым ливвиковский и особенно людиковский диалекты карельского языка содержат значительный вепсский субстрат. Будучи по самосознанию карелами, ливвики и особенно людики сохраняют значительный вепсский элемент на всех языковых уровнях – в фонетике, грамматике, лексике.

Если вопрос о генезисе южных наречий карельского языка – ливвиковского и людиковского – и участии в их образовании вепсского субстрата был принципиально решен еще Д. В. Бубрихом (1947), а дальнейшие исследования развили и уточнили целый ряд высказанных им положений, то проблема формирования территориальной границы между ливвиковским и людиковским языковыми ареалами вплоть до последнего времени специально не поднималась.

Проведенный анализ топонимных ареалов показал: исключительно важную роль здесь сыграл транзитный водно-волоковой путь, соединяющий Присвирье через Онежское озеро с Белым морем. По северному участку этой дороги в XX в. прошел Беломорско-Балтийский канал. Южный участок совпадает с ливвиковско-людиковской границей. Видимо, в период активного карельского освоения Онежско-Ладожского перешейка продолжалось проникновение вепсов на эту территорию, причем использовался названный уже путь. Среднее и верхнее течение Свири изобилует порогами, поэтому издревле был известен путь вдоль северного притока Свири р. Важинки через водораздел в Святозеро и далее на р. Шую. Именно его реконструирует ареал вепсской метафорической модели *Kukoinhar'j* 'Петушиный гребень', которая использовалась для называния незначительных возвышенностей. Модель является, очевидно, довольно поздней, поскольку не охватывает весь вепсский ареал, да и привязана исключительно к недолговечным по времени существования микротопонимам. Карта показывает, что она четко коррелирует с упомянутой уже водной дорогой на север и одновременно людиковско-ливвиковской границей. Здесь отмечены урочище *Kukuoinhard'* в Мошничье на р. Важинке, поле *Kukuenhard'a* в старинном людиковском селе Святозере, урочище *Kukoiharje* на восточном берегу оз. Сямозера. Этот ряд замыкается на севере названием расположенной на болоте песчаной возвышенности *Петушиный Гребень* (с. Шайдома), которое, по всей видимости, является переводной калькой вепсского оригинала (рис. 3). Очевидно, выход вепсов вдоль этого водного пути на север, в частности, на р. Шую, препятствовал в определенной степени поступательному движению карелов с запада на восток по Шуе, и в результате к востоку от вепсского пути сформировалась людиковская территория, где вепсский компонент значительно более мощный, чем в западном олонецком или ливвиковском диалекте.

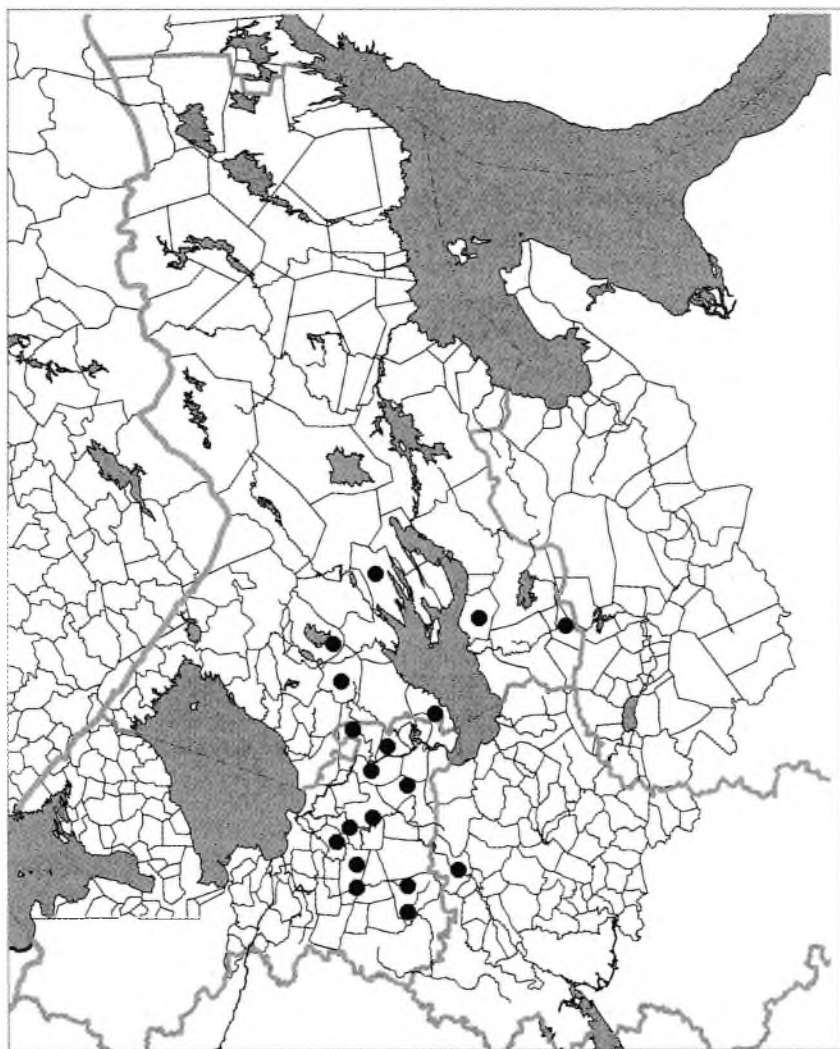

Рис. 3. Ареал топонимов с вепсской метафорической основой *Kukoinharij* 'Петушинный гребень'

Южной границей людиковской территории была р. Свирь, служившая основной дорогой для русского освоения Карелии. Людиковские поселения еще в недавнем прошлом существовали на северных притоках Свири – реках Усланке и Важине (Turunen, 1977). Надо полагать, что карелы продвигались по названным рекам от верховий к низовьям, через водоразделы, разделяющие их с бассейном р. Шуи и притоками Ладожского озера, по которым на протяжении столетий распространялось карельское освоение Онежско-Ладожского перешейка. Здесь они вступали в контакт с местными вепсами, при этом вепсский языковой элемент обнаруживает лучшую сохранность, чем севернее, в ареале проживания средних и северных людиков. Интересно, что устойчивые карельские следы обнаруживаются и к востоку от Важины, например, на р. Ивине и даже на юго-западном побережье Онежского озера, в зоне расселения северных вепсов. Однако здесь карельский элемент в составе населения не был столь силен, чтобы сформировать людиковскую языковую среду. К тому же в низовьях реки рано возник т. н. Остречинский погост, бывший проводником русского языкового и культурного влияния вдоль по Ивине на север, так что карело-вепсское контактирование было здесь опосредовано русским этноязыковым компонентом.

Ареалы многочисленных топонимных моделей, исходящих из Карельского Приладожья, охватывают как южную часть карельского языкового ареала, так и более северную, где представлено собственно карельское наречие. Иначе говоря, карельский элемент по своим истокам един, а разница сформировалась в процессе самостоятельной жизни отдельных наречий, в которой исключительную роль играли языковые контакты. Отсутствие вепсского субстрата предопределило сохранение исходного древнекарельского наследия в собственно карельском наречии. При этом активные саамские контакты, подтверждающиеся массовым характером саамской гидро-

ними в собственно карельском ареале, не отразились существенным образом на облике наречия. Видимо, сказался механизм карело-саамского взаимодействия на разных его этапах. В ходе промыслового освоения территории карелы осваивали и приспособливали для своих нужд саамскую топонимию, на этапе же оседлого карельского заселения саамы, рассредоточенные на обширной территории, но заселявшие ее очень редко, были быстро ассимилированы карелами. Свою роль сыграл, очевидно, и характер формирования карельской сети поселений, прослеженный нами на примере Сегозерья в центральной Карелии (Муллонен, 2001). Продвинувшееся сюда в XVII в. массовое карельское население из Приладожья основало целый ряд относительно крупных гнезд поселений (Паданы, Сельги, Прокколя), жители которых до сих пор используют самоназвание *karjalani* ‘карел’. В то же время в небольших деревнях на северо- и юго-восточной окраине региона они называют себя *lappalani* ‘лопарь, саам’. Это отражает этап внутренней миграции карелов из первоначальных карельских центров территории, их внедрение в саамскую среду, сопровождавшееся ассимиляцией местных саамов. В этих условиях саамское языковое наследие растворилось практически полностью.

Обширный ареал собственно карельского наречия делится на три диалектные подзоны: северную, переходную и южную. Их формирование связано с теми транзитными путями, по которым проходила миграция карелов. В то время как южная зона привязана к путям, идущим из Приладожья – непосредственно или опосредованно (через оз. Пиелинен) – во внутренние районы Карелии и в направлении Белого моря, северная явно тяготеет к бассейну рек Кемь и Оланга. В формировании северной значительную роль сыграли связи этой территории с Приботнией и приток оттуда населения – «финизированных» карелов и саво в XVII–XIX вв. Группа переходных говоров (юшкозерский, панозерский, маслозерский, подужемский) оформилась географиче-

ски на пересечении водных путей, с одной стороны кемского, с другой – обеспечивавшего проникновение на Кемь с юга по южному притоку р. Чирки-Кеми.

Картографирование позволило выявить ряд топонимных моделей, ареалы которых тянутся из Северного Приладожья по внутренним путям, в частности, через р. Суну в Сегозерье, через оз. Пиелинен и Ребольскую округу с последующим выходом на р. Чирку-Кемь и на нижнее течение р. Кеми (топоосновы *Jylmäkkö*, *Nilos*, *Kuadie* и др., см. Kuzmin, 2014), и отразило процесс формирования южных и переходных говоров. Количество моделей, распространение которых в Карелии привязано территориально к ареалу собственно карельских северных говоров, более ограничено (*Hoikka-*, *Hietajärvi*, *Savo-*, см. Кузьмин, 2011).

Обусловленность границ языковых ареалов географическими факторами, в первую очередь границами водных бассейнов, хорошо демонстрирует южнокарельский в языковом отношении сегозерский ареал. Географически его северная граница проходит по северным пределам бассейна р. Воломы (бассейн Сегозера), т. е. по водоразделу, отделяющему Волому от рек Кемь и Онда. На западе границей является водораздел, отделяющий верховья Воломы и Тумбы от истоков рек бассейна Лендерки, входящей в Ладожский водный бассейн. На юге бассейн Сегозера граничит с бассейном р. Суны (бассейн Онежского озера). Просматривается, таким образом, значительное наложение языковых и историко-культурных границ на географические на севере, западе и востоке Сегозерья. На этом фоне более размытой выглядит южная граница. Входя географически в бассейн оз. Сегозера, южное Сегозерье по языковым критериям тяготеет к смежному сунскому бассейну. Говоры Янгозера и Совдозера (бассейн Сегозера) входят в поросозерский диалектный ареал, а семчезерские деревни, расположенные на берегах оз. Семчезера, на юго-восточной окраине бассейна Сегозера образуют вместе с прилегающими с юга и вос-

тока карельскими поселениями бассейна р. Суны свой особый мяндусельгский диалектный ареал. Причина проницаемости водных границ Сегозерья с юга кроется, очевидно, в исключительной важности сунского водного пути при заселении территории центральной Карелии, в своеобразной культурной и языковой подпитке Сегозерья с юга, через Суну. Южные связи были на протяжении значительного времени существенны для карельской истории Сегозерья.

Такое языковое деление имеет историческую подоплеку, и его истоки просматриваются в исторических документах конца XVI в. Согласно Дозорной книге Лопских погостов 1597 г., Семчезеро с расположенными по его берегам деревнями входило вместе с Кумшозером (совр. Кумчозеро), Юштозером (совр. Юстозеро), Святнаволоком и др. в состав единого административного подразделения – Пречистинского Семчезерского погоста, граничившего с непосредственно сегозерскими Селецким и Паданским погостами. Что же касается сунских связей южного Сегозерья в районе Яндозера – Совдозера, то они отразились в упомянутом источнике конца XVI в., в т. н. Сунской переваре – особом административно-территориальном подразделении Селецкого погоста, в которое входили, с одной стороны, ряд сунских волосток (Лубосалма, Вонгера, Гимала, Ушкалнаволок, Порозеро, или Поросозеро), а с другой, волостка в Янгозере, географически привязанная к бассейну оз. Селецкого. Иначе говоря, формирование говорных особенностей происходило еще на этапе освоения Сегозерья, и этот факт отразила карта административного членения территории XVI в.

Тема соотношения волостных и диалектных / говорных границ представляет исключительный интерес как для понимания становления волостного деления, так и в плане формирования языковых ареалов. Наложение языковой карты на карту волостного членения начала XX в. позволяет констатировать, что в целом они взаимосвязаны: географические границы (прежде все-

го, границы водных бассейнов) формировали и этнолингвистическое, и административное членение. С другой стороны, несмотря на преемственность, и состав, и границы административных единиц менялись. В результате языковые ареалы в целом ряде случаев вписываются в границы не современных, а исторических административных образований, существовавших в прошлых столетиях, когда, собственно, и формировались диалектные ареалы. Об этом свидетельствует приведенный выше пример Сегозерья. Еще один пример из Сегозерья – это распространение ряда языковых изоглосс за северные пределы Сегозерья (или Богоявленской волости, по СНМ 1905 г.), в пограничные селения Ругозерской волости, прежде всего, в Кузнаволок и Ондозеро (ДАКЯ, карты...). Они, однако, как правило, не доходят до территориально смежного Ругозера. Эта ареальная ситуация находит историческое подтверждение в дозорных книгах XVI в., в соответствии с которыми Кузнаволок, а также расположенные к северу от него Ондозеро и Кучозеро входили в состав единого с сегозерскими деревнями административного подразделения – Паданского погоста, в то время как Ругозеро являлось центром другого – Ругозерского погоста. Видимо, языковые особенности закладывались уже в те отдаленные столетия и сохранились, несмотря на то что территория отошла в состав другого административного подразделения, что сопровождалось усилением влияния ругозерского говора. Между прочим, и сейчас в сознании жителей Сегозерья Кузнаволок (а иногда и Ондозеро) воспринимаются как свои, сегозерские поселения.

В южной Карелии примером отчетливого несовпадения волостного членения начала XX в. с языковым членением является граница, разделяющая ливвиковский и людиковский языковые ареалы, поскольку в трех случаях (Спасопреображенская, Святозерская и Важинское) из четырех языковая граница проходит внутри волости, т. е. в составе одной волости объединяются ливвиковские и людиковские поселения. Лишь волостная грани-

ца между Шуйской и Сязозерской волостями совпадает с языковой границей. Как и в случае с говорными ареалами в Сегозерье, объяснение следует искать в более раннем этапе административного устройства территории. Формирование этой языковой границы происходило, очевидно, еще в рамках исторических Шуйского и Важенского погостов XVI–XVII вв., ибо ее очертания в целом повторяют границу, отделяющую их на западе от земель исторического Олонецкого погоста. Волостные границы начала XX в. прошли иначе, несколько западнее, и включили в состав волостей те поселения, которые возникли в результате внутренней миграции в XVIII–XIX вв. В составе Спасопреображенской волости оказался ряд поселений водораздела Суны и Сязозера (Сяпчезеро, Фоминнаволок, Вохтозеро, Титнаволок, Ватчела и др.), входящих с языковой точки зрения в ливвиковский ареал и отражающих миграционные процессы из ливвиковского Сязозерья. Документы XVI–XVII вв. их еще не фиксируют. В то же время для говоров северного Сязозерья характерны и некоторые людиковские черты, свидетельствующие о притоке сюда и людиковского населения. Результатом вторичной ливвиковской экспансии на восток являются и небольшие поселения, объединявшиеся в начале XX в. в составе т. н. Маньгинского сельского общества Святозерской волости, а также деревеньки, возникшие на Мегрозере, на западной окраине Важенской волости. Первые упоминания о них в письменных источниках относятся к XVIII в. (1788 г.).

Внутренняя миграция играла важную роль в освоении территории и формировании этноязыковых карельских ареалов на разных исторических этапах. Так, например, продвижение древних карелов с ладожского побережья на север, в глубь материка, к Суоярви, ограничивалось обширными болотами, тянувшимися на многие десятки километров. Известно, что освоение этой территории началось не ранее XV–XVI вв., с одной стороны – с северного побережья Ладожского озера, с другой – с территории ливвиковского Сязозерья (Nämynen, 2011, s. 25). Здесь, в

Северо-Восточном Приладожье, формируется в результате своеобразная буферная ливвиковско-собственно карельская зона.

В свою очередь, появление в собственно карельском ареале на рубеже XVIII–XIX вв. многочисленных поселений с названиями, включающими элемент *-selgä* и *-vuara* 'гора', отражает этап внутренней миграции и развитие сельскохозяйственных поселений на возвышенностях, ставшее возможным в этой зоне рискованного земледелия в результате незначительного потепления климата. Показательно, к примеру, что документам XVII в. по Сегозерью эта ойконимная модель не известна вовсе, а уже два столетия спустя образования этого типа (*Шалговуара*, *Мяндусельга*) составляют до 40 % всех наименований населенных мест региона. Примерно такая же картина и в олонечкой Вешкелице, где ойконимы с элементом *-selgä* 'сельга' (*Канчинсельга*, *Лухтансельга*, *Нинисельга*, *Подкусельга*, *Чалкойсельга*, *Еройнсельга* и др.), будучи нанесенными на карту, довольно равномерно заполняют неосвоенное пространство вокруг материнского куста поселений, отмеченного письменными источниками XVI в., в округе от 3 до 10 км. Уходя из материнской деревни, основатели сележных деревень уносили с собой язык родных мест. В ходе внутренней миграции оформляются в относительно окончательном виде и границы ареалов отдельных говоров и групп говоров.

Следы карельского языкового наследия наблюдаются во множестве за восточными пределами современного карельского языкового ареала – в русских Обонежье и Поморье. Они связаны с неоднократными переселениями карелов из Северо-Западного Приладожья. Современная восточная граница сформировалась с учетом целого ряда факторов. Среди них, прежде всего, образование т. н. русской Карелии вдоль транзитных водно-волоковых путей, использованных в ходе новгородской и московской колонизации, и перманентное расширение этой русской в языковом отношении зоны за счет обрусения населения территориально смежной прибалтийско-финской территории.

Окончательные очертания восточная граница приобрела в ходе последующего промышленного освоения Карелии (появление г. Петрозаводска, строительство Мурманской железной дороги, Беломорско-Балтийского канала и др.), привлекшего русских переселенцев и способствовавшего обрусению местных карелов.

Литература

- Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В.* Диалектологический атлас карельского языка (ДАКЯ). Хельсинки, 1997.
- Кочуркина С. И.* Этническая карта и территориально-административные границы Карелии на рубеже I–II тыс. н. э. (новгородское время) // Тр. КарНЦ РАН. 2012. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 3. № 4. С. 3–12.
- Кузьмин Д. В.* Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Тр. КарНЦ РАН. 2011. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 2. № 6. С. 45–56.
- Муллонен И. И.* История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 11–38.
- Муллонен И. И.* Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 345–346.
- Муллонен И. И.* Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Тр. КарНЦ РАН. 2012. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 3. № 4. С. 13–24.
- Atlas Linguarum Fennicarum (ALFU) 1–3. Helsinki, 2004–2010.
- Gränthal R.* Livviställiviin. Itämerensuomalaiset etnonyyit. Castrenianumin toimitteita 51. Helsinki, 1997.
- Hämynen T.* Omal maal Vierahal maal. Suojärven historia III. Toimittanut Tapio Hämynen. Saarijärvi, 2011.
- Kiviniemi E.* Värät vedet. Tutkimus mallien osuudesta.
- Kuzmin D.* Vienan Karjalan asutushistoria nimistän valossa. Helsinki, 2014.
- Suomen sanojen alkuperä (SSA). Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
- Turunen A.* Lyydiläisten murreaarekkeet Karjalan tasavallan venäjänkielisellä alueella // Neuvostoliitto-instituutin vuosikirja 25. Kielen ja kulttuurin kentälätä. Helsinki, 1977.